

Елена Оболикшта

Оболикшта Елена Сергеевна родилась в 1985 г. в городе Новоуральск Свердловской области. Окончила философский факультет УрГУ по специальности «арт-менеджер». Окончила музыкальную школу по классу скрипки. С 2002 г. является постоянным участником и лауреатом региональных и российских конкурсов и фестивалей авторской песни. В 2009 г. стала серебряным призером Молодежных Дельфийских игр в номинации «Авторская песня». Исполняет песни на собственные стихи и музыку, а также пишет музыку к стихам других поэтов. С 2005 г. участница литературного семинара А. Санникова при журнале «Урал». Стихи публиковались в различных литературных журналах, а также сетевых ресурсах. В 2008 г. стала лауреатом межрегионального фестиваля литературных объединений «Глубина». Автор литературно-критических эссе и книги стихов «Эльмира и свинцовые шары» (Челябинск, 2010), удостоенной Большой независимой поэтической премии «П» (2011). Участник АСУП-3. Живёт в Челябинске.

Филологическая маркировка стихов Е.О.

Традиции, направления, течения: модернизм, сюрреализм, барочность, постмодернизм, мета-реализм (метаметафоризм).

Основные имена влияния, переклички: М. Цветаева, О. Мандельштам, Л. Губанов, О. Седакова.

Основные формальные приемы, используемые автором: ассоциативность, метафоризм, стилизация, игра, спонтанность как речевой прием, ролевая лирика.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: город как топос, Бог, ангелы, небо, время, слово и поэт, зима и термальное состояние холода, лед, стихии воды и воздуха, металлы, птицы.

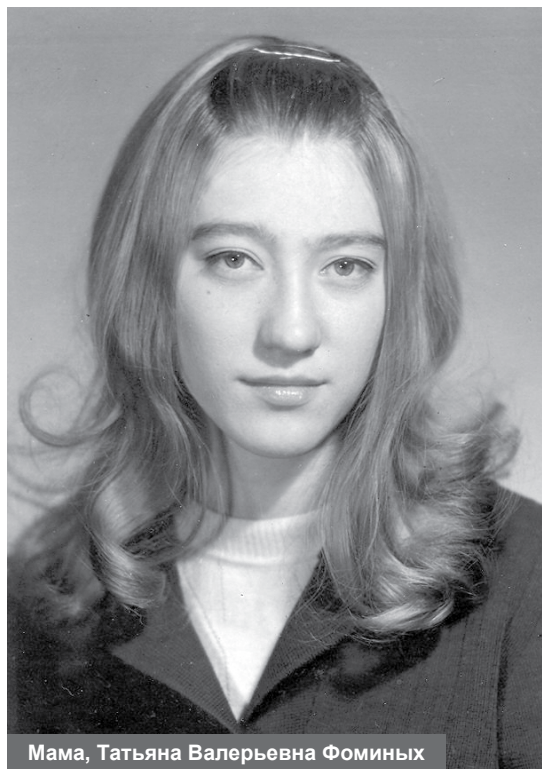
Творческая стратегия: метаметафоризация реальности.

Коэффициент присутствия: 0,65

АВТОБИОГРАФИЯ

Родилась утром 16 мая 1985 года в Свердловске-44. Это закрытый город в Свердловской области, с 1994 года стал называться Новоуральском. Есть яркое воспоминание о себе, которое приходится на первые месяцы жизни: ощущение спеленутости, кровать у окна в больнице, боковым зрением вижу соску-пустышку, которая у меня во рту. Спиной ко мне стоит мама в длинном халате с большими цветами. У нее короткие темные кудри. Заходит медсестра в белом, и они с мамой о чем-то тихо переговариваются, перебирая стеклянные пузырьки с лекарствами. Пузырьки бьются друг о друга и звенят – этот характерный больничный звук я буду узнавать потом еще много раз. Все это, как выяснилось позже, до мельчайших деталей совпадало с реальностью (а значит, не принилось, как я предполагала).

Второе яркое воспоминание (мне было года 3–4) – услышала по радио скрипку и тотчас объявила, что хочу играть на ней. Через два года поступила в музыкальную школу, в которой проучилась 9 лет – 8 из них по классу скрипки, а последний год ходила на любимые предметы по собственному желанию. Учеба давалась сравнительно легко благодаря хорошим природным данным. В том,

Мама, Татьяна Валерьевна Фоминых

Е.О. с матерью и отцом, Оболикшта Сергеем Николаевичем

что они хорошие, естественно, нет никакой моей вины или заслуги. Благодаря им я могла учиться, не прилагая особых усилий, а потому со временем стала чудовищно ленивой.

От общеобразовательной школы осталось ощущение недоумения и чувство, что я опять что-то пропустила. Пропускала я и, правда, много – часто болела, по этой же причине меняла детские сады, а то и вообще сидела дома с дедом, маминим отцом. Дед, Фоминых Валерий Федорович (07.11.1927 – 29.08.2010), как я сейчас понимаю, серьезно повлиял на мое воображение. Это был человек с крайне своеобразным чувством юмора (который не все понимали), с фантазией и даром какого-то хармсовского обаяния. Часто, чтобы повеселить меня, он сочинял на ходу смешные и абсурдные стишки, песенки, придумывал игры с участием наших воображаемых друзей. Их звали Кука и Кася (теперь, когда уже нет деда, эти двое, кажется, все еще где-то рядом). Дед не просто играл со мной, он сам не на шутку увлекался и создавал целый мир, да такой, что «Алиса в стране чудес» мне потом казалась скучной и занудной. Из-за болезней часто уроки приходилось делать в больнице, но училась я на «отлично» со второго класса. Это «отлично» – как приговор, я тащила до самого окончания школы. Постепенно во мне стал зреть некий бунт и аллергия на слово «отличница».

Где-то в возрасте 13–14 лет начала писать песни и стихи, потому что была влюблена в актера Дэвида Духовны (до сих пор смотрю на него с некоторым содроганием). Хорошо, что большая часть тех песен и стихов не сохранилась, но я, к своему стыду, зачем-то помню отдельные фрагменты. За два года до окончания школы начались мучительные сомнения, стоит ли делать музыку своей профессией или же выбрать что-то другое. Родители поступали мудро, не навязывая мне никаких готовых решений. Да и вряд ли могли бы навязать, ведь с музыкой и творчеством никто в нашей се-

мье связан не был: мама – Оболикшта Татьяна Валерьевна (род. 14.10.1954) – врач-стоматолог, отец – Оболикшта Сергей Николаевич (род. 23.03.1951) – экономист-математик. Безусловно, они знали о моих успехах в музыкальной школе и о том, что я сочиняю что-то, запершись в комнате. Относились к этому с уважением, мол, как мне кажется, с некоторым недоумением, но, куда же все это потом приложить? Сейчас я понимаю, что невмешательство родителей в этот беззащитный период творческого процесса – это было правильно и не прошло для меня даром. Я вынуждена была сама мучительно искать диалога – с собой, с книгами, с людьми, с чужим творчеством. Я задавала себе вопросы и искала ответы, слушала «русский рок», взалхлеб читала Пелевина и все подряд, замечала, что мне интереснее с людьми гораздо старше меня. Начала играть на гитаре и пришла в клуб самодельной песни «Признание», начала выходить на сцену как автор песен. И хотя бардовская эстетика мне не была близка, пожалуй, никогда, я благодарна за то, что мне ее никто не навязывал. Наталья Евгеньевна Овчинникова (Карманова), руководитель клуба, знакомила меня с новой музыкой, новыми людьми, фестивалями и конкурсами, при этом не задавая мне никаких векторов развития. Одно из главных открытий, которое я сделала тогда, – творческий союз АЗИЯ: Елена Фролова, Татьяна Алешина, Александр Деревягин и Николай Якимов. Несколькими годами подряд я как заипнотизированная слушала их песни, постепенно стала читать поэзию совершенно другими глазами (читала тогда в основном Серебряный век). Самоощущение того времени – экзистенциальная растерянность, неуверенность ни в чем и тревога. Возможно, это состояние и определило мой дальнейший выбор – философский факультет УрГУ им. А.М. Горького (ныне УрФУ).

Учеба в вузе была связана с переездом из Новоуральска в Екатеринбург, а для жителя закрытого города это все равно, что переезд на другую планету. Первое время было ощущение разгерметизации и катастрофы. Университет сначала не вызывал доверия, но постепенно я обнаружила, что попала в среду таких же существ, как я сама. Здесь продолжалось и открытие поэзии, в том числе уральской. Случайно зашла в книжный магазин «Академическая книга» и зачем-то купила там «Стихи» Романа Тягунова, совершенно не представляя, кто он такой. Мне было важно одно: автор екатеринбургский, а значит, вполне может стать ключом к пониманию того огромного и странного города, в котором я оказалась. Прочитать – прочитала, но ничего не поняла.

Надо сказать, что с раннего детства музыка и звуки были для меня чем-то понятным и очевидным, удобным в обращении, а со словами было

все сложнее и далеко не сразу. В песнях текст я воспринимала как способ донести музыку, и не более. Человеческую речь и книги – только как способ донести мысль. Слова были просто служебным транспортным средством для смысла (если, конечно, он был). Лекции, которые я слушала на философском, способствовали такому отношению к языку, особенно изучение западной философии (всех авторов мы читали в переводе, а не на языке оригинала). Несмотря на это, меня до глубины души поразили трое: Кант, Гуссерль и Хайдеггер. Я уже тогда воспринимала их как поэтов мысли и думала, если бы они жили в России и писали бы стихи, то их идеи заняли бы гораздо меньше бумаги, а главное, могли быть усвоены гораздо быстрее. Тогда я и поняла, что философия, пытаясь быть наукой, вынуждена сильно снижать скорость смыслообразования и плотность изложения, чтобы успеть привести все аргументы и обоснования. Поэзия же гораздо более мобильное средство передвижения – скорость, длина строки, плотность и легкость, которые возможны в ней, позволяют преодолевать любые расстояния в считанные секунды. Добравшись до русской философии, я с особенной радостью и жадностью читала Чаадаева, Герцена, Булгакова, Флоренского, Шестова и Бердяева – в них я находила уже не столько идеи и порядок мысли, сколько живой русский язык. И самое поразительное, пожалуй, что я прочитала в университете – Мераб Мамардашвили.

Стихи и песни я продолжала писать, не совсем представляя себе, зачем. Точнее, я не представляла, где и кому можно было бы петь такие песни и читать такие стихи. Я делилась всем этим с несколькими друзьями, в том числе и с поэтом Катей Гришаевой, с которой мы учились в одной группе. Вместе с ней мы и начали какие-то полусознанные поиски если не своей среды, то хотя бы собеседников. Мы посещали разные мероприятия, которые проходили в здании Союза писателей, ходили на семинары к Юрию Казарину и даже, выдержав конкурсный отбор, попали на мастер-класс к Кейсу Верхейлу. Все это было интересным способом убить время, но мы по-прежнему не знали, куда податься и с чем себя идентифицировать. Читали стихи друг другу, готовились к сессиям. Я особенно ни на что не надеялась, когда мы пришли в литературный клуб «ЛебядкинЪ» к Андрею Санникову. Помню, что меня поразило его облик, а особенно – поведение при чтении стихов. Было это примерно так: все сидят за длинным столом в редакции журнала «Урал», ерзают, шуршат листочки со стихами. Выстроилась буквально живая очередь за индивидуальной консультацией. Во главе стола сидит Санников (большой, бородатый, с широким славянским лицом) и, шевеля губами, читает с листочка «текст». Внезапно

он ударяет кулаком по столу, бьет ногами по полу и орет: «Класс! Кла-а-асс!». Сидящий рядом автор «текста» подпрыгивает вместе со стулом и с недоумением уставляется в свой листочек. Затем Андрей Юрьевич медленно поднимает голову и, глядя в пустоту, еще раз произносит поразившую его строку глубоким баритоном на одной ноте. Читает дальше, молчит. Вдруг вскакивает, глядя в сторону от стола (на котором лежит листок) и с непереносимой мукой на лице произносит: «Плохо! Ну пло-о-хо!». Я-то привыкла, чтобы «мэтры», читая стихи «начинающих», держали чашечку чая, деловито покачивали головой, употребляли какие-нибудь термины и обязательно вставляли парочку парадоксальных фраз (для вечности). Впечатлений и воспоминаний от такого общения, как правило, не оставалось никаких, поэтому бурная, почти физиологическая реакция Санникова на стихи, которые он называл и называет «текстами», вызвала у меня симпатию и доверие.

Буквально за месяц до этих событий в нашем городе открылась ИКЕА, и мы с подругами пошли туда побродить. Мне нужна была настольная лампа (ведь я писала стихи!). Нагулявшись среди красивых интерьеров и непонятно зачем нужных (и тоже красивых) вещей, каждая из нас нашла свой товар, и мы отправились обратно. Кассу мы на выходе, к нашему удивлению, не нашли и решили не искать. Это был день какого-то идиотического веселья и радости. Вернувшись домой, я зажгла свою новую зеленую лампу (за которую не

Е.О., 2012 г.

заплатила ни рубля) и написала текст «Где спят мои глаза, когда я слышу...». И была впервые в жизни по-настоящему довольна написанным. Этот сворованный у IKEA приступ вдохновения, а может быть, просто момент, мне сейчас почему-то кажется вехой. Потом мне в руки попал первый том АСУП под редакцией В.О. Кальпиди, и долгими вечерами мы с Катей Гришаевой читали эту «Антологию» вслух у меня на кухне. Дурацкий эпизод с IKEA, написание текста, приход в «ЛебядкинЪ» и чтение первой антологии для меня сейчас слились в какой-то клубок странно связанных событий, как будто не вовремя сработавший фотоаппарат случайно поместил в один кадр половину руки, половину окна, смазанный фрагмент стены и, например, чайник. Теперь я точно знаю: в этот момент началось что-то важное. Но писать определенным образом я стала все-таки чуть раньше, чем узнала, как все это называется – я имею в виду УППШ и вечные дискуссии об уральском гипертексте. Дальше – активная поэтическая жизнь «Лебядкина», знакомство и общение с поэтами, фестивали «Урал-Транзит», «Глубина», первые публикации в «толстых» журналах. И, наконец, первая поэтическая книга «Эльмира и свинцовые шары» (Издательский дом Олега Сеницына, 2010). Тут надо сказать, что я, как правило, едва ли не равнодушно

отношусь к фактам и событиям внешней жизни, живу, скорее, в какой-то внутренней линзе, которая искажает все, что происходит снаружи, а то и вообще не интересуется этим. Поэтому эпизод и деталь мне врезаются в память ярче, чем дата и событие, мысль и ощущение всегда интереснее, чем просто факт. Сам процесс написания стихов важнее, чем их последующая судьба и участие в мероприятиях. Я удивилась, когда при первой публикации не почувствовала ничего особенного. Когда вышла книга, – было ощущение благополучно завершённой работы, облегчения, что нет опечаток и вроде бы мне не стыдно за книгу как за предмет. Было и чувство освобождения от написанных стихов и, конечно, благодарность Саше Петрушкину за составление и вступительное слово, Диме Дзюмину за критическую статью, Олегу Сеницыну за издание и Оле Зиневику за несколько странных иллюстраций.

Песни пишутся до сих пор, эксперименты над музыкой продолжаются, стихи происходят параллельно. Последние четыре года занимаюсь преподаванием в музыкальных школах и центрах детского развития. Нет никакой «школьной программы», то, что я веду, можно назвать студией авторской песни. Я общаюсь с людьми, которым от 10 до 18 лет, одни пытаются что-то сочинять, другие становятся исполнителями. Эта работа привела меня к выводу, что и я, и мои ученики, и мои коллеги – все мы находимся в совершенно одинаковой ситуации: нет никакой готовой среды, в которую «потом» можно было бы выйти, занимаясь, в частности, песнями. Это романтический миф, в который, в свое время, я верила, когда училась в музыкальной школе. С одной стороны, есть множество, так скажем, давно проработанных культурных полей, а с другой – ни одно из них меня не устраивает и, тем более, не устраивает моих учеников, которые в среднем на 10 лет младше меня (это десятилетие иногда почти не ощущается, а иногда кажется пропастью). Приходится буквально «делать» свою среду самим, собирать ее, как пазл, песнями, проектами, концертами, людьми, встречами и событиями. Эта работа в каком-то смысле на опережение: уже есть мебель, но еще не построен дом, хочется поставить в шкаф книги, но еще не сделан пол, на котором будет стоять шкаф... Напоминает это и процесс мифотворчества, и процесс написания стихотворения. А регулярное чувство узнавания и дежавю наводит на мысль о том, что все стихи, мифы и песни, возможно, существуют одновременно, а я, как археолог, только откапываю из земли артефакты, которые уже давно созданы. Вначале я еще могу сомневаться, что именно передо мной – фрагмент посуды или часть стены, но чем дальше я копаю, тем понятнее. Главное – копать аккуратно и ничего не ломать.